

ЛЮБИМЫЙ ЖАНР

Экраны
- 1984 -
24-31
- с.б.

Виктор Никитин в 1980 году закончил курс Табакова в ГИТИСе и уже десять лет играет в Московском Театре на Перовской. Может быть, и не состоялось бы спустя все эти годы его новой встречи со своей альма-матер — если бы не Фестиваль-конкурс студенческих самостоятельных научно-творческих работ РАТИ, пригласившего его в качестве почетного гостя со своим моноспектаклем "Карлик", который он сыграл в родных стенах двадцать шестой аудитории. Что было задумано символично и интересно. Ну, а мне давно хотелось написать о Викторе Никитине, очень славно играющем в Театре на Перовской, и вот как раз и повод.

У себя в Перово Никитин играет "Карлика" (поставленного художественным руководителем театра Кириллом Панченко) в буфете. "Спектакли в буфете" у нас не новость и не редкость, но моно-жанр по-прежнему особый и рискованный вариант сцены. Слишком много составляющих требуется для успеха, кажущегося легким. "Карлик" в Театре на Перовской — единственный моноспектакль, и попасть на него стоит.

Сыграй нам что-нибудь дьявольское

Ну, во-первых, малоизвестный у нас скандинавский роман Пера Лагерквиста — вряд ли инсценированный где-нибудь еще, манящий свежестью фактуры и атмосферы. Дворцовый карлик в средневековой венецианской республике, злое, распадающаяся фигура, демон зла, сеющий тление, распад и смерть и выходящий образцовым победителем над жизнью. Вот тема этого этюда, сочиненного с помощью Лагерквиста.

Зло мира, витающее над нами и воплощенное в избранной личности, — мотив, родственник отечественной культуре. Играть злодея на Руси было всегда соблазнительно. Окунуться в мир мрачной дисгармонии, развернуть бытие своей души в этой сладостной дисгармонической сфере — русскому актеру просто подарок: это значит войти в блистательную галерею всех отечественных "гениев зла". Никитин, со своей мальчишеской челкой и внешностью лицеиста, весьма удачно рефлексирует на заданную тему. Он рисует нам масштабные картины. Дворец. Сумрак затеваемых интриг. Тайная злоба к каждому явлению нормальной жизни. Жажда военных действий и жажда крови, не кончающейся никогда. Вечная музыка боя. Упоение уничтожения, уничтожения, уничтожения.

Наш карлик летописец чужой иссякающей жизни, летописец сладострастный. И мрак, царящий в его душе, рядом с нами: полная тьма, свеча на маленьком столике, его лицо в грязной парчовой шапочке (можно было бы назвать этот рассказ "Актер и свеча"); вот так и сидит, не вставая, за своим столиком, впившись в нас взглядом и исповедуясь в злодеяниях; летописец. Свеча и тьма — единственный тон этой картины. И наши лишенные впечатлений глаза в ловушке бесконечного злобного повествования.

Красиво придумано и красиво сыграно. Игра с текстом романа тянется пульсирующей линией монолога: вдох — выдох, пауза, передышка, атака — удар шпаги — отступление, затишье — снова атака. Никитин очень хорош в этих "атаках" и "пиках", взрывах страсти и приливах алчной мести миру, вершащей роковые злодеяния. Актеру надо рассчитать силы и средства,

чтобы держать сей мрачный гнетущий ритм. Чтобы захватить нас неистовством пульсирующего экстаза и восхитить полетом сатанинских мечтаний. Жми, жми, Витя, не сбивай тонуса, мы разделим с тобой твое безумие и поможем развитию роли (усилив плотность переживания и многократно испытав собственный экстаз). Ведь мы сами, признаемся, и дьяволы мести, и алчущие, и разрушители, и гонители, и ревнивцы, ну, и демоны тоже, чего уж тут. Побудем немного вместе.

Ольга ИГНАТЮК